

Павел Тиккоев

ГОРА РЕКА. Летопись необязательных времён

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
Т40

Тиккоев П. Я.

ГОРА РЕКА. Летопись необязательных времён / Тиккоев П.
Я. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 672 с.

ISBN 978-5-532-98338-0

Это история человека, делающего свою жизнь с начала 50-х годов прошлого века и по настоящее время. Но это одновременно и разнообразие судеб людей, встречающихся на пути главного героя и история формирования взглядов и жизненных принципов. Но это и философия трактовки ответа на вопрос: Зачем? Такие ответы дают себе разные люди, убеждая себя различными обоснованиями или обоснованными обстоятельствами. И ведь на самом деле – всё зависит от всего... Не разрушаема лишь ГОРА времени. И неиссякаема РЕКА жизни... Возможно, читателю будет интересно взглянуть глазами главного героя на события, происходившие в стране, а может быть, кто-то обнаружит похожесть на себя кого-то из героев и это подвигнет его к тому, чтобы ещё раз задуматься над вопросом: Зачем? Автор же – это лишь сторонний наблюдатель, а его главный герой нетипичный представитель менявшегося неизменного общества... Это летопись времён, обязательность или необязательность которых каждый решает для себя сам. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98338-0

© Тиккоев П. Я., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

ГОРА	6
Летопись необязательных времён	12
1	13
2	17
3	27
4	66
5	103
6	173
7	183
8	223
9	242
10	282
11	295
12	322
13	350
14	358
15	389
16	415
17	428
18	434
19	450
20	465
21	473
22	485
23	502
24	525

25	543
26	549
27	563
28	572
29	603
30	607
31	629
32	636

Посвящается:
моим родителям Якову Алексеевичу и Вере
Павловне,
моей жене Татьяне,
моим дочерям Вере и Ксении.

Пуškai клеветуют, пусть клянут;
Ведь ты был прав и честен ты.
Уверенно ступай в любой тернистый путь и помни:
Нет тюрьмы для жизни и мечты.
из книги Льва Копелева "Хранить вечно"

ГОРА РЕКА

Великое скопление молодых, только что народившихся людей. Океан возникших душ, барахтающихся в спокойных водах бытия и наделённых способностью к мышлению. Они исподволь и пока неосознанно стремятся и неуклонно подбираются к устью гигантской человеческой реки – реки жизни, плавно уходящей в неведомую даль.

Устье – начало всего. Сколько неисчислимых возможностей сокрыто в толще этих спокойных, внушающих надежду и безмятежность томных водах, кишаших человеческими крупинками, которые весело и беззлобно, без зависти соприкасаются друг с другом. Но, что-то неудержимо заставляет эти крупинки передвигаться вверх, постоянно преодолевая пока ещё чуть осязаемое сопротивление. Их много, они хаотичны в отдельности и столь же целеустремлённы в массе. Они передвигаются кружащимися стайками.

Но вот от очередной группы отделяется редкий одиночка. Он смещается в самый центр всё усиливающегося стрима¹, и дальше продвигается один, не особо заботясь необходимостью трат дополнительных сил.

Большинство же кружащихся стаяк отталкивается стримом ближе к спокойному берегу и там смешивается в неповоротливую тугую массу, периодически отсеивающую из себя ко дну крупинки, совершенно уставшие даже от этого спокойного движения.

Поток теряет кружащиеся группки, суживается, а восхождение лишь усиливает его течение.

Вот слева к стриму присоединился бархатный солнечный проток. Несколько продвигавшихся вперёд кучерявых стаяк соблазнили этой спокойной искрящейся глубиной, зазывно бурлящей за види-

¹ стрим – центр потока с большой скоростью течения

мым близким поворотом. Они лихо юркнули в эту заботливую благодать и закружили там радостную кутерьму.

Но стрим выше этого благополучия; он лишь ещё больше сузился и, впервые рокотнув перекатом, устремился дальше... вверх.

Всплеск, и вот один из одиночек яко молния метнулся из стрима в сторону протока и, разметав кучерявую стайку, понёсся поворот за поворотом в спокойную, всё замедляющуюся неизвестность. Кучерявая стайка – то ли сглотнув залихватской волны, поднятой одиночкой, то ли выпростав силы, освободившиеся от сопротивления стриму – вдруг заершила свои кудри в щетину и, разъярившись, помчалась вдогонку за одиночкой... поворот за поворотом. Томное спокойствие, пропетляв, резко расширилось и, превратившись в болото, облеклось запахом – поначалу благоухающим, но с утратой какого-либо течения, запах стал затхлым. Отсутствие стрима отняло волю к кучерявой жизнерадостности и ожесточило болото агрессивной, щетинистой стойкой бывших кучеринок. Такая метаморфоза – со всей очевидность – управлялась забугрившимся одиночкой, прилагавшим к этому все свои силы, высвободившиеся от борьбы со стримом. Спокойно-затхлое болото вбирало в себя новые беспечные кучерявые стайки и, замедляя их весёлое кружение, в конце концов, совершенно убивало их восторженный танец, лишало сил и оттесняло на самое дно, превращая в рыхлый зловонный и медленно гниющий ил.

Вырваться назад – к достоинству стрима – удавалось лишь немногим щетинкам. Но, – удавалось. И, вырвавшись, осознав, что это возможно, они устремлялись в самый центр тугого потока. Вверх, вперёд, сквозь прохладные струи стрима, – именно в этом суть течения времени к пока ещё не ясной цели и лишь с осознанием какого-то вдохновения от самого движения.

Вот и справа к потоку примкнул ручеёк, бойко пробивавшийся среди огромных камней. А выше этого ручейка стрим резко усиливался и толкотня кучерявых стаяк, протискивавшихся вдоль берега, оттесняла наиболее уставших и замедливших своё движение в закрутку, образованную ручейком, в соединении со стримом. Переполняясь уставшими кучеринками, закрутка заставляла их продви-

гаться по ручейку, обтекавшему валуны и неуклонно уходившему влево и вниз... назад... туда, где спокойно и мелко. Отдалившись от стрима, ручеёк – под жгучими лучами солнца и налетавшими снопами неумолимого ветра – разбивался на отдельные лужи, лужицы и канавки, которые периодами совершенно иссыхали. Нет, никак не вернуться кучеринкам уже назад... оттуда не возвращаются.

Стрим же бежит вперёд, вверх, причёсывая уже не редкие перекаты, взлетая над неожиданно возникшим омутом и придавливая в нём чересчур заигравшиеся кучерявые стайки, не давая им возможности оторваться от глубокого и холодного дна омута. Там обессилившим стайкам остаётся лишь укрыться среди неласковых камней и ждать... ждать... чего?... почему?... зачем?... и нет ответа... и нет сил... и нет желания... нет цели... осталось лишь одно возможное к исполнению действие – ЖДАТЬ! Стрим прощально рокошет перекатом над омутом и ещё яростнее распружинивается вверх.

Вот и белые барашки побежали по самому верху стремнины. Лютующий ветер подчас подрывает их хвосты и, разорвав на части, выбрасывает мелкими брызгами на берег. Нередко вместе с кипящей водой из стрима выдёргивается наиболее отчаянный одиночка, надменно передвигающийся по самой поверхности стрима. Избаловавшись под тёплым солнцем, он взбирается на самый гребень вздыбленного ветром стрима и вдруг, не удержавшись в потоке, отрывается от него и уносится вникуда очередным порывом ветра, удовлетворенного содеянным. Стрим же продолжает свой бег, мгновенно забыв самоуверенного одиночку.

Быстрее, стремительней, труднее и выше разбегается стрим. И кучерявым стайкам начинает претить это непрерывное движение; и нет уже сил, и нет желаний, и нет воли. Появилось лишь неодолимое хотение: унылого спокойствия бы, обыденности бы, тихой кучерявости бы...

А стрим всё разгоняется и рвётся ввысь... «Господи, да останови ты его, дай роздыху!» – ропшут кучерявые стайки. Но нет, стрим бежит дальше... Вот и очередной поворот, порог, скачёк над ямой и вдруг... стрим встал. Он остановился, разлившись по всю ширь возможности, которую только можно вообразить. И уже нет бегущего

и грохочущего потока. Даже ветер, одряхлев, лишь слегка обдувает умиротворённую поверхность, неожиданно отяжелевшуюся и присевшую на глубокое донное разнообразие, подсвеченное улыбочным солнцем, изредка затеняемым равномерно плывущими тучами и облаками. Кучерявые стайки всплывают в столь желанное, хорошо подсвеченное и обильно насыщенное разнообразиями спокойствие. Они разбредаются над нескончаемым, в меру укормленным дном и рассыпаются на отдельные соринки, которые распрямляются и прекращают свой кружащийся танец. Вот и свершилось!.. И эти соринки – в спокойном одиночестве – дрейфуют по бесконечной глади...

Но вот, будто что-то смекнув, или убоявшись медленно снующих набухших одиночек, соринки опускаются ко дну. Кто за камушек упрячется, кто в коряжник забредёт, кто в траве опутается, кто в мяшку занырнёт. И нет стрима, нет усталости, нет неизвестности. Тихо вокруг, спокойно и обыденно... удобно. А глядя вон на тех, которые и вовсе от испуга закопались в затхлом иле, – ощущается даже и хорошо... ну, да и, слава Богу! Идёт бесконечное время в бесконечном спокойствии. Без стрима. Без «зачем». Без «почему». Без «для чего». Без цели. Всё для. Тихо кругом. Одинаково. Стабильно...

Ан, нет. Что это: или не ясно как сохранившаяся кучеринка, или почему-то не успокоившаяся соринка, или одутловатый одиночка?.. Нет, это что-то необычное... это непонятно как и когда появившееся отличие. Оно одновременно естество и кучеринки, и соринки, да впрочем, и одиночки, но того – прежнего, не одутловатого... Нет, впрочем, нет. Это другое. Оно неумно, но и очень спокойно, целеустремлённо, но и неторопливо, постояннодвигающееся, но и неустойчивое. Да и движется оно как-то просто. Без вихляний и закруток, без бега и шага...

Это – сто́ик². Это одновременно предмет и подражания, и отторжения, и непонимания. А сто́ик движется, он ничего не ищет, он что-то изначально знает, он даже не уверен в чём-то, – он преисполнен.

² сто́ик – в данном контексте это естество, стремящееся к цели

Он миновал всё “оспокоившееся” скопище и, будто незаметив незримого раздела тепла и холода, спокойствия и движения, вновь вобрал в себя дыхание стрима. И оно нашлось, сначала предвкушением и вот уже – ощущением. Стрим звал. Туда. Вперёд. К далёкой противоположности “благополучного недвижения”.

И вот оно новое начало – откуда-то сверху, стремительно сбегающий в «спокойствие» ручеек. Невозможно, да и нет сил, проникнуть в его непреодолимый бег. Но не силы физические двигают сто́ика, не борьба мышц. Его двигает обрётённый им дух. У него нет опоры ни справа, ни слева, ни сверху, ни снизу. В этом потоке нет вообще никого. Здесь только стоик и его вера, она и ведёт его и хранит его. А стрим взбирается всё выше и выше... и вот он уже чередуется с водопадами.

Ещё мгновение и стрим превращается в прямой, как луч света поток, устремившийся к солнцу. Стоик промчался по водной дорожке и, добежав до самого солнца, ярко вспыхнул и, растворившись в этом неиссякаемом свете, усилил его безудержное всепобеждающее сияние.

Спокойная гладь, безразличная в своём большинстве, лишь недолго полюбовавшись этим божественным сиянием, продолжала свою неторопливую бесцельную суету.

Стремительный световой поток, соединивший было спокойную гладь с ярким сиянием, – иссяк. Он не мог обходиться без сто́ика, он приготовился его ждать... нового сто́ика, который пробирался в преодолении себя где-то пока ещё там – внизу. И этот новый сто́ик не мог не возникнуть. В нём, не понимая того, нуждалось и спокойное благополучие. Ведь благословенный солнечный стрим водворяет в изнеженную презрительность очищение, высвечивает и делает зримой её скверну. В некоторых соринках этот световой поток пробуждает необходимость осмысления происходящего в затхлом спокойствии и, преодолевая в себе беспечную праздность, они вдохновляются от стоиков к движению...

И так – день за днём. Неиссякаемая река – бесконечное время – неразрушаемая гора.